

Еstratto di trasmissione radiofonica “Imenem Stalina” (radiostancija “Echo Moskvу”).

14_02_2011

<http://www.echo.msk.ru/programs/staliname/545251-echo/>

С. БУНТМАН: Добрый вечер. Сергей Бунтман ведёт эту программу, пока нет Нателлы Болтянской. Мы пока используем это время для того, чтобы прочитать новые книжки и рассмотреть новые темы из серии, которую совершенно замечательно затеял Фонд первого президента и РОСПЭН. И подробно, томами, мы рассматриваем историю сталинизма, сталинской эпохи, в разных аспектах. Сегодня наш родной аспект – радио. Сегодня у нас в гостях Татьяна Михайловна Горяева, директор Российского Государственного архива литературы и искусства. Добрый вечер.

Т. ГОРЯЕВА: Добрый вечер.

С. БУНТМАН: Мы поговорим о политическом контроле над советским радио. И вообще, что такое советское радио. Я вам говорил, что когда мы начали придумывать «Эхо Москвы» и начали думать, как это сделать, у нас, в отличие от журналов, газет и даже политических партий, не было никаких дореволюционных образцов, потому, что радио – изобретение в его звуковом, речевом, говорящем варианте – это уже советская власть была. И поэтому мы просто не знали, как это делается. А зарубежные русскоязычные радиостанции не могли быть примером, при всей их роли, которую они сыграли для нас.

Радио. Его сразу поставили под контроль, национализировали, как кино? Или дали пожить? Как оно появилось при советской власти?

Т. ГОРЯЕВА: Это история, конечно, довольно длительная, хотя она, может быть, теперь, на протяжении стольких лет кажется довольно краткой. Тем не менее, Вы, Сергей, обратили внимания на то, что у вас не было предшественников. Корнями советское радио было из Серебряного века.

С. БУНТМАН: Оно сохранялось?

Т. ГОРЯЕВА: Абсолютно.

С. БУНТМАН: Дух ещё сохранялся.

Т. ГОРЯЕВА: Конечно! Вот не надо забывать, что создателями и мечтателями, великими мечтателями, которые создавали радио, с точки зрения великого говорящего, коммуникатора, объединяющего весь мир – это всё слова Велимира Хлебникова, великого будетлянца и футуриста. Маяковский, как известно по источникам, не менее 15 раз выступал по радио и считал просто за честь свои первые опубликования делать именно в радио-эфире. Не говоря о том, что радио в себя, как синтетическое искусство, к этому так и относились поначалу, впитало самые лучшие традиции и театра, в тот период это был Мейерхольдовский театр, и кинематографа с другой стороны – Эйзенштейна. Это было, по сути, совершенно пионерская...

С. БУНТМАН: Радио экспериментировало, как и другие виды искусства.

Т. ГОРЯЕВА: При этом оно впитывало в себя, как губка. Радио было в своё время

совершенно прорывом, каким был в свое время Интернет для нас.

С. БУНТМАН: Или потом телевидение.

Т. ГОРЯЕВА: Телевидение – да, но...

С. БУНТМАН: Когда оно осознало себя как искусство, а не как радио с картинкой.

Т. ГОРЯЕВА: Все-таки, на мой взгляд, я могла бы сравнить с точки зрения какого-то информационного потрясения, все-таки, с Интернетом, а не с телевизором. По революционности. Потому, что появление звука непонятно откуда приводило к тому, что в деревнях крестьяне просто падали ниц, начинали молиться, креститься и были повергнуты этим необычным явлениям.

С. БУНТМАН: Особенно когда стали на столбе вешать.

Т. ГОРЯЕВА: Совершенно верно. Но Вы абсолютно правы, действительно, радио, советское радио. И тут, наверное, правильнее связывать его не с именем, на первом этапе, с именем Сталина, а с именем Ленина. Надо отдать должное ему, что он изначально почувствовал то огромное значение, которое имело радио именно для России, потому, что огромные территории, совершенно безграмотное население. Отсутствие связи, потому, что газеты шли до Дальнего Востока в течение нескольких недель, а то и месяцев. И вот именно ему принадлежат вот эти пророческие слова: «Газеты без бумаги и без расстояний».

И из военного, радио начиналось в России со времён Первой мировой войны, как известное средство для взрывания бомб, радио-бомбы, оно превратилось в средство информации и потом уже, конечно, пропаганды.

С. БУНТМАН: Вот пропаганда. Мы знаем, причем и международное тоже, почти сразу, как для того, чтобы всему миру вещать нужно было. И вещать внутри. Как подходили к идеологии и контролю на радио? С самого начала или не с самого начала?

Т. ГОРЯЕВА: Если говорить о регулярном радиовещании, оно началось 23 ноября 1924 года, с выпуска первой радио-газеты «Говорит Москва, слушайте все. Всем, всем, всем! Говорит первый номер радио-газеты» И в этих текстах всегда по три восклицательных знака. Но радио-газета по сути, по форме своей была схема радиовещательного дня изначально. Конечно, это было всё достаточно примитивно. Но там было всё, на сегодняшний день нам хорошо известно.

Это были и интервью, была, конечно, информация РОСТА, телеграммы из-за рубежа, обязательно международный очерк о международном положении. И радио-реклама, радио-частушки и т.д. Жанры потом развивались, модифицировались. Это уже мы, наверное, коснемся этой темы позже. Тексты радио-газет не с начала, но с 1925 года начали просматриваться соответствующими органами. Органов было много.

Двадцатые годы – это такой период пиршества образований всё новых и новых учреждений, контролирующих друг друга и параллельно. Я только перечислю несколько. Естественно, 1919 год – создание Госиздата, 1921 год – Главполитпросвет, 1922 год – это Главлит знаменитый, 1923 год – это Главрепертком. Всевозможные радио-кино комиссии, тоже при Главполитпросвете, конечно, при Агитпроме. Все эти многочисленные бюрократические

образования, все пытались для того, чтобы доказать государству свою значимость, разделить этот радио-пирог.

Для того, чтобы каким-то образом осуществлять контроль над радио-текстами. Прежде всего, конечно, был контроль над политическими текстами и информационными. А вот художественное радио было очень долгое время, можно сказать, свободным. Например, организатор музыкального и художественного радио-вещания Георгий Полиновский, знаменитые радио Музруки, Куржиямский, Чемоданов – это знаменитая троица, он в своей книге вспоминает, что свои радио-беседы часовые он осуществлял по обычным лекционным карточкам.

То есть, мы, как преподаватели, прекрасно знаем, как это всё происходит: набрасываются только основные темы для беседы, а уже текст был произвольный. Поэтому можно сказать, естественно, трансляция из Большого театра и из других театров, шли без контроля.

С. БУНТМАН: Там были свои контрольные, которые ужесточались. Там уже из Большого театра транслируется то, что шло там и уже прошло все свои рогадки.

Т. ГОРЯЕВА: Конечно. Это уже репертуарный контроль театров, это уже немножко параллельное, но очень связанное с радиовещанием. Другое дело, что в этот период, начальный период, такой, как мы с Вами договорились, пионерский, когда закладывались основы радио-журналистики, структура радио-вещания, она, кстати сказать, была изначально невероятно научной, очень обоснованной, продуманной, можно только позавидовать нашим пионерам радиовещания, насколько они были прозорливы в своих начинаниях.

Вот этот первый период, всё-таки, закрепился в 1927 году приказом по акционерному обществу «Радиопередачи». Был издан приказ в начале 1927 года, который навсегда фиксировал тексты радиопередач, и в том числе, как архивные документы. С этого момента можно сказать, что предварительные тексты радиопередач имели обязательно заранее подготовленный текст, который обязательно утверждался представителем Главлита и эти тексты и являлись основой для архива радио.

Можно сказать, что этим закончился период формирования собственно цензуры радио-текстов. Хотя понятно, что политический контроль – это гораздо более широкое понятие.

С. БУНТМАН: Как набирались люди на радио?

Т. ГОРЯЕВА: Самым разным образом. В основе коллектива были, конечно, газетчики, знаменитый газетчик Данский (Комаровский), Александр Садовский – главный редактор рабочей радио-газеты. Это были газетчики. Но и много актёров приходило на радио. Если Вы помните воспоминания Левитана, который пришёл на радио аж в 1929 году, это довольно известные воспоминания, что он окал.

С. БУНТМАН: Да, это известно.

Т. ГОРЯЕВА: Пришёл к Ольге Сергеевне Высоцкой, с которой я успела познакомиться при её жизни. Они приходили на радио, главным образом, даже из театра. Не попав по распределению или по экзаменам в театральные училища или высшие учебные заведения, они попадали на радио, тем более, что радио уже тогда доходило до людей и работа радиодиктора была уже очень привлекательна.

С. БУНТМАН: Как достигалась, с какого времени начали обращать внимание? Ведь эфир прямой, никакая не запись, забудем об этом.

Т. ГОРЯЕВА: Пока да. Пока мы живём в этом периоде.

С. БУНТМАН: Но ведь, наверное, важно, если тексты передач визируются, я текст отложил и говорю, что могу. Какие меры предусматривались для того, чтобы этого не произошло?

Т. ГОРЯЕВА: Первое. Мы понимаем под цензурой – это предварительный контроль и последующий контроль. Это означало, что как раз к 1927 году было абсолютное цензурирование предварительных текстов, а к 1928 году вообще сложилась общая ситуация. В 1925 году началась охрана студий, охрана микрофонов, знаменитая пропускная система.

С. БУНТМАН: Чтобы абы кто в прямой эфир... Зона прямого эфира. Абы кто не войдёт!

Т. ГОРЯЕВА: Конечно. С 1925 аж года! И, как известно, сотрудники Главлита имели радиоприёмники и дома для того, чтобы неустанно слушать радиопередачи. Эфир-контроль. Вы знаете, бывали всякие ситуации, и об этом цензоры не уставали докладывать. Например, самой главной проблемой для цензоров, именно последующего контроля, были трансляции с Красной площади, как это ни странно. Потому, что в прямой эфир попадали не только иногда не очень цензурная брань, но и всевозможные реплики.

В частности, такие курьёзные случаи, которые я помню из документов, конечно, потому, что я как архивист и источниковед, воссоздаю историю исключительно только по документам. По одному из донесений цензоров А.И. Рыков в прямом эфире, естественно, сказал: «Какого чёрта меня не сменяют? Я замёрз, уже стою тут полтора часа!» Речь шла о том, что он стоял на трибуне Мавзолея. И это прошло в эфир. Второй случай, который приводится в качестве аргументации, был случай, когда кто-то тоже, видимо, уже после определённой дозы согревания, поздравил М.И. Калинина с очередным браком.

С. БУНТМАН: Хорошо!

Т. ГОРЯЕВА: Речь шла о том, к чему я это веду, это не просто такой лёгкий анекдот, цензоры требовали, чтобы как раз средства связи были отняты у радиовещательных организаций. И мы тут подходим к той истории акционерного радиовещания, радиопередачи, в руках которых и было всё радиовещание 20-х годов. Это акционерное общество было совершенно уникальное. Акционерами его были, конечно, РОСТА, в аппарате которого и готовились сами радиопрограммы. Трест заводов слабых токов, т.е. сами производители радиоприёмников. И многие другие предприятия.

И вот это акционерное общество было совершенно уникальным даже по тем временам. Помимо творческого процесса они занимались производством, они занимались продажей радиоприёмников, что уже само по себе было коммерчески выгодным не только для государства, но и для самого радиодела. Они занимались рекламой, издательством, объём их деятельности был грандиозен. И они были абсолютно рентабельны для государства. Но конечно, такая свобода, как мы говорим, свобода кнопки, когда средства связи были в руках у журналистов, эта ситуация длилась до 1927 года.